

МАСТЕР ЧЭНЬ

**МАГАЗИН
ПУТЕШЕСТВИЙ
МАСТЕРА
ЧЭНЯ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М32

Художественное оформление серии
Елены Окольциной

Издание осуществлено
при содействии литературного агентства Vanke,
Goumen & Smirnova

Мастер Чэнь.

М32 Магазин путешествий Мастера Чэня /
Мастер Чэнь. — Москва : Эксмо, 2019. —
288 с.

ISBN 978-5-04-104075-8

Новая книга рассказов Мастера Чэня, полюбившегося читателям по серии книг о самаркандском шпионе Нанидате Маниахе, — это заметки на полях его романов и в то же время самостоятельные истории на фоне Таиланда, Камбоджи, Малайзии, Филиппин и других не менее экзотических мест, известных нам намного хуже, чем Европа и Америка.

...в системе навигации автомобиля вдруг появляется местный дух, желающий убить путешественников; в отеле на границе джунглей прислуживает постояльцам мертвец; а рубин вдруг сводит с ума приехавшего из Европы ювелира.

Восток стучит в сердце.
Отвори ему дверцу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104075-8

© Мастер Чэнь, текст, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

БАГРОВЫЙ РУБИН ИЗ МОГОКА

«**А** вы когда-нибудь презервативы в Рангуне в два часа ночи покупали?»

Если не ошибаюсь, такие фразы называются мемами — от слова «мемориальный». У нас, в нашем узком кругу, их много. Да вот хотя бы — «и они умирают».

Это было так: мы всеялись немалой компанией в весьма второразрядные шале на острове Капас у самого берега в Куала-Тренгану, в страшной малайзийской глухомани. Зато море было почти первого разряда, с мягким песком и огнями того самого Куала-Тренгану на ночном горизонте. И только мы собрались, побросав сумки по углам, погрузиться в это прильнувшее к берегу и трепетно замершее море, как вошел мальчик. Он нес китайские спирали от комаров и какой-то баллончик.

Капас считается необитаемым островом, в том смысле, что живут там только такие, как мы, — причем недолго, и еще служащие трех как бы отелей, на этом острове помещающихся. Но необитаемых островов не бывает, Капас очень даже населен и на постоянной основе — населен странно злобными комарами. Дым тлеющей спирали кого-то из них, может, и отгоняет, но, вообще-то, как сообщил нам мальчик, перед сном стоит вдобавок распылить по всему плинтусу вот эту ядовитую жидкость.

— И они умирают. And they die, — завершил мальчик, на случай, если мы не до конца его поняли.

Дело было даже не в словах, а в выражении его лица. Вообразите гориллу с автоматом, у автомата только что был полный рожок, и горилла эта секунду назад осознала, что рожка ведь, в сущности, хватает совсем ненадолго, поддержишь серый суставчатый палец на спуске — вот и все, праздник кончился, и они умирают.

Есть еще — продолжая разговор о мемах — неотразимый аргумент в политологических спорах, ведущихся на темы демократических

преобразований в том или ином успешно развивающемся государстве. Аргумент этот выдвигается обычно в ответ на оптимистичные оценки электоральных перспектив той или иной партии, которая весьма бурно выступает за какие угодно реформы (в столицах здешних стран хотя бы по одной такой карликовой партии должно быть). И только-только какой-то энтузиаст в наших дискуссиях начинает предсказывать обвальную демократизацию еще одного ныне угнетенного народа, как получает в ответ тот самый аргумент:

— А вы, я извиняюсь, рожи их видели?

Тут-то он и осознает, что одно дело — болтовня о какой-нибудь Бирме или Камбодже с экспертами из числа тех, что в жизни не покидали Британских островов, и другое дело — говорить с людьми, которые, простите, живут в этих самых Бирме или Камбодже.

И на лице энтузиаста появляется выражение... Ну, вы уже поняли, и не надо шептать то самое «и они умирают».

Весьма уважаемый мной Виктор Денисов живет в Рангуне, то есть в Бирме, уже одиннадцатый год, пусть и не подряд, а с небольшими заездами в Москву; он знает, какие

у кого рожи, как и кто здесь умирает. Фраза насчет презервативов в два часа ночи — его. Он при мне загадочно изрекал ее пару раз, но почему-то скрывал подробности.

И только сейчас, на берегу любимого рангунцами озера Кан Дау Ги (мы пошли на его берег что-нибудь съесть в очень тихий китайский ресторанчик), он сжалился и поначалу как бы сквозь зубы сказал:

— Презервативы — это насчет Кире и того, что с ней тут приключилось уже года, наверное, три назад. А так как она, я слышал, покинула наши азиатские края, то почему бы не рассказать. В конце концов, в нашу эпоху репутация девушки сорока лет от подобных историй только улучшается. — И еще Виктор добавил: — Вообще-то, вся история — чуть не самое жуткое, что с ним приключилось за долгие годы беспорочного несения службы в этих краях.

«Кира? Да, она ведь и вправду как-то исчезла из некогда любимых ею азиатских краев, — подумал я. — Но кто знает, она могла оказаться в Италии или Америке, с ее-то профессией».

Кира — замечательное создание: она ювелир-дизайнер. То есть почти сверхчеловек. Острый длинный носик и светло-серые, спокойные-спокойные глаза. Их нечасто увидишь, тот самый носик Киры чаще всего украшен довольно сильными очками, а то и хуже — перед одним глазом подрагивает на проволочке линза. Не ждите тут восторгов глупой женщины, увидевшей сияющий гранями камень. Кира, чуть приоткрыв маленький рот с выпяченной нижней губой, фиксирует взгляд на этом цветном осколке, она видит его насквозь, с прожилками, шелковистыми вкраплениями, трещинами; она кивает и снисходительно говорит: очень хорошо. Славный такой камушек.

И ее собеседник, если он продавец камней, отлично понимает — она увидела все. Она знает, сколько этот желтый сапфир стоит на самом деле. Из этого оба и исходят.

Кира, когда мы с ней познакомились, постоянно навещала Таиланд, поскольку работала на великого дизайнера Каперовича. Человек берет мусор и отходы, какие-нибудь там корявые жемчужины, которые еще лет тридцать назад считались браком, и превра-

щает их в сюрреалистическую картину. Искореженное бледное полупрозрачное тело бывшего обитателя раковины подсвечивается осколками бриллиантов, по нему начинает бежать россыпь огней от бросовых маленьких рубинов, золотая проволока повторяет изгиб ожившей жемчужины — и получается нечто, стоящее попросту непристойных уже денег.

Каперовича в наших краях никто и никогда не видел. Закупщиком сырья до своего исчезновения у него работала, повторим, Кира. Строгий тропический костюм, чаще из светло-голубого шелка, каблуки, немилосердный взгляд сквозь очки — в Таиланде ее помнят многие. Это довольно призрачное создание, потому что ювелиры, и особенно закупщики, имеют привычку быть несколько эфемерными, невидимыми. Зачем кому-то знать, где живет человек, который может купить камней на пятьсот, а может, и на пятьсот тысяч долларов? А если этот человек не успел положить добычу в гостиничный сейф? Не каждый шпион умеет так неожиданно появляться и неожиданно исчезать, как эти люди, через паль-

цы которых может в день пройти камней на несколько миллионов. Ювелир — это одиночество.

Но однажды она, оказывается, побывала и в Бирме.

— ...И очень нескоро я узнал, что наша Кира потащилась в Могок, — мрачно произнес Виктор Денисов, аккуратными движениями разливая виски.

Если вы увидите когда-нибудь этого человека, то слово «дипломат» придет в вашу голову в последнюю очередь. И вы будете неправы, он именно дипломат, но...

Вы увидите ледяные голубые глаза, очень внимательные. И лицо, состоящее из резких линий — острый длинный подбородок, отчетливые скулы; лицо, проштрихованное мелкими и ранними морщинками. И всю эту длинную фигуру, прислонившуюся к потрепанному «Ленд Роверу»: а вы попробуйте покататься в обычной машине по дорогам Рангуна, даже и не в сезон дождей. Как вы проедете по дорогам, которых уже как бы и нет, хотя лет тридцать назад какой-то асфальт здесь клали?

И всё вместе — да, я о Викторе Денисове, а не об улицах Рангуна — всё вместе... охотник? Шериф из штата типа Аризоны?

В любом случае не тот человек, на лице которого при слове «Могок» можно ожидать даже намёка на страх. Так, чуть дернувшаяся щека.

Да и я, услышав его слова, не то чтобы ощутил холод живота кобры, пробирающейся за воротник. В Могоке, в конце концов, военные так и кишат. И не пускают туда иностранцев.

— Я там вообще, как ни странно, не был, — подтвердил мои мысли Виктор. — Ни разу.

Исключения, однако, всегда случаются. Киру подговорил на эту бешеную поездку очень крупный рангунский ювелир, а они, по определению, должны быть знакомы с ключевыми военными, причастными к рубиновым приискам, самым знаменитым во всем мире. Они, вообще-то, могут выдать разрешение на визит.

— Но это даже на хорошей машине... — поморщился я.

— Шесть часов, — сказал Виктор.

Я поднял бровь.

— От Мандалая, — уточнил он. — Но что вы думаете — у такого ювелира, как в нашем случае, нет маленького частного самолета? Страна-то у нас, может, и африканская по уровню развития, но кто сказал, что по Африке не летают самолеты? Вот она туда с этим своим клиентом и полетела.

— Бирманцы, — начал мне объяснять Виктор, — великие мастера многоходовых интриг. И когда с Кирой случилась после Могока та самая история, Виктор не стал сразу ломиться в двери тюрьмы, он пошел по знакомым, хоть как-то причастным к ювелирным делам. И начал терпеливо выяснять: что за человек повез нашу девушку в край, где по утрам лежат сырые туманы, из них выплывают нагромождения ржавых жестяных крыш, а внизу, на середине мелкой реки цвета кофейного топаза, стоят отчаявшиеся личности по колена в воде и зачерпывают, зачерпывают придонную грязь совками: вдруг в этих местах, где находили рубины и сапфиры еще при короле Анаврахте, что-то осталось?

И, представьте, интрига вырисовалась. Сложная, вовсе не сводимая к тому, что

рангунский ювелир уж так возжаждал тела Кире, молочного, пухлого. Женщин с такой грудью и шеей вербуют в антитабачные активистки в Америке как олицетворение здоровья: курение старит кожу, а если кожа такая... Правда, Кире редко хватало одной пачки сигарет в день, но сливочная полупрозрачность, голубые вены под тонкой кожей — это почему-то никуда не девалось.

Интрига имела касательство, конечно, к деньгам и к конкуренции в этой тайно-жестью отрасли. И совершенно не дело Виктора было вступать в эту нескончаемую драку профессионалов; ему просто надо было знать, мог ли летучий ювелир и вправду устроить то, о чем говорили шепотом его коллеги, нужно ли ему было такое. И получалось, что очень даже мог, и очень даже нужно было. Чтобы Кира и те, кто за ней стоит, больше в этих краях не показывались. Чтобы с ними никто не имел дела никогда.

По словам Виктора, Кира, вообще-то, закупаала по большей части нечто не слишком дорогостоящее, а Каперович будто нарочно превращал каменный мусор в дерзкие и не-

ожиданные узоры; вот и Могок — на любом рынке там вы увидите эти рубины, ценой доллара два-три, полупрозрачные, далекие от легендарного оттенка «голубиная кровь» — они, скорее, цвета моркови... Да, Каперовичу шлют иной раз заказы и из Нью-Йорка, и тогда в ход идут совсем другие камни, и их тоже надо закупать. Но все это не важно, важно было другое — какой же ювелир откажется показать (а его гость откажется посмотреть) еще и настоящие сокровища.

Я никогда не бывал и вряд ли буду в Могоке; но я вижу эту сцену. Кира на табурете какого-то ювелира — там, в мастерских, нет роскоши в обстановке, но есть роскошь иная. Вот она сидит, нет, не в привычном голубом шелке, в чем-то дорожном цвета хаки, и с умиленной улыбкой мадонны смотрит, смотрит...

Ведь там, в Могоке, бывают не только рубины. Есть звездные сапфиры — неограниченные кабошоны, в глубине которых лунно мерцает пятнышко света, иногда в виде шестилучевой звезды. Или сапфиры странного лилово-чернильного цвета, как спелая ежевика.